

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ
МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА В СООТВЕТСТВИИ
С УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИИ И
МОНГОЛИИ**

**/THE SOCIO-LEGAL NATURE OF COMPULSORY MEDICAL
MEASURES IN ACCORDANCE WITH THE CRIMINAL LEGISLATION
OF RUSSIA AND MONGOLIA/**

КОРНЕЕВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Преподаватель кафедры организации режима и надзора
в УИС юридического факультета, Академия права и
управления ФСИН России, г. Рязань, Российская
Федерация.

Предметом исследования является социально-правовая природа института принудительных мер медицинского характера в соответствии с уголовным законодательством России и Монголии.

Цель. Настоящее исследование предполагает определение сущности принудительных мер медицинского характера, а также научное обоснование необходимости разграничения уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового воздействия, применяемых к лицам, совершившим запрещенное уголовным законом деяние.

Методология. Методологическая основа настоящего исследования представлена диалектическим методом научного познания. В процессе исследования использовались также применяемые в гуманитарных науках частнонаучные методы познания, а именно: при определении сущности принудительных мер медицинского характера – индуктивный, дедуктивный, системно-структурный и контент-анализа; в процессе исследования положений уголовного законодательства Монголии о регламентации принудительных мер медицинского характера – сравнительно-правовой метод.

Результаты. Проанализировано уголовное законодательство Российской Федерации и Монголии, изучены доктринальные исследования по заявленной тематике, сформулирована и научно обоснована социально-правовая сущность принудительных мер медицинского характера.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие; уголовная ответственность; иные меры уголовно-правового характера; принудительные меры медицинского характера; меры принуждения; уголовное законодательство Монголии.

The subject of this study is the institute of compulsory medical measures.

Goal. This study involves determining the essence of compulsory medical measures in accordance with the criminal legislation of the Russian Federation and Mongolia, as well as scientific justification of the need to distinguish between criminal liability and other measures of criminal legal influence applied to persons who have committed an act prohibited by criminal law.

Methodology. The methodological basis of this study is presented by the dialectical method of scientific cognition. In the course of the research, private scientific methods of cognition used in the humanities were also used, namely: in determining the essence of compulsory medical measures – inductive, deductive, system-structural and content analysis; in the process of studying the provisions of the criminal legislation of Mongolia on the regulation of compulsory medical measures-a comparative legal method.

Results. The criminal legislation of the Russian Federation and Mongolia is analyzed, doctrinal studies on the declared topic are studied, the socio-legal essence of compulsory medical measures is formulated and scientifically substantiated.

Keywords: criminal legal impact; criminal liability; other measures of a criminal legal nature; compulsory measures of a medical nature; coercive measures; criminal legislation of Mongolia.

Введение

Действующий Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) детально определяет уголовное наказание и его виды. Сущность же принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ), их задачи, социально-правовая природа, место в общей структуре уголовно-правового воздействия нормами уголовного закона должным образом не регламентированы. Безусловно, данная тематика неоднократно являлась предметом доктринальных исследований, в том числе фундаментального характера, однако не утратила своей актуальности сегодня. К сожалению, в теории уголовного права нет единого или преобладающего мнения по

существо обозначенных проблем, что подтверждает существующую потребность углубленного доктринального анализа института принудительных мер медицинского характера, регламентированного как отечественным, так и зарубежным законодательством.

Сравнительное правоведение играет ключевую роль в разработке научно обоснованной концепции правовой политики. В связи с этим, особый интерес представляет изучение теоретико-прикладного опыта формирования института ПММХ в демократической стране с романо-германской правовой системой, испытывавшей значительное влияние от советской системы права, партнера Российской Федерации в части углубления и совершенствования взаимного сотрудничества в области правовой помощи и правовых отношений по гражданским и уголовным делам – Монголии [2].

Результаты и обсуждение

ПММХ законодательно закреплены в УК РФ как иные меры уголовно-правового характера (гл. 15 УК РФ). Они могут быть назначены судом лицу, страдающему психическим расстройством в рамках освобождения от уголовной ответственности (п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ), освобождения от наказания (п. «б» ч. 1 ст. 97 УК РФ), либо наряду с наказанием (п. «в», «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ). Анализ указанных норм свидетельствует, что сущность ПММХ на законодательном уровне четко не определена, вследствие чего полагаем, что данный пробел может быть восполнен только с учетом имеющихся доктринальных исследований.

Высказываемые суждения относительно содержания категории «ПММХ» могут быть сгруппированы таким образом, что ПММХ – это:

- собирательный институт уголовного права, к содержанию которого, помимо законодательно определенных мер, необходимо относить отсрочку отбывания наказания лицам, страдающим наркоманией, ввиду наличия медицинского характера [10, с. 183];

- институт, тождественный наказанию [13, с. 46];

- иная уголовно-правовая мера государственного принуждения к лечению, предусмотренная уголовным законом, назначаемая судом на основании обвинительного приговора или постановления конкретному лицу, указанному в ч. 1 ст. 97 УК РФ, от имени российского государства [4, с. 59];

– иные, обособленные от уголовной ответственности, меры уголовно-правового характера [11, с. 17];

– ни форма реализации уголовной ответственности, ни «иная мера», а меры безопасности, которые применяются в связи с совершением психически больным лицом запрещенного уголовным законом общественно опасного деяния [1, с. 12].

Думается, что большинство из представленных мнений носят дискуссионный характер. Так, небезупречным выглядит представление ПММХ в качестве собирательного института уголовного права, в объем которого необходимо относить меры уголовно-правового воздействия, заключающие в себе медицинский критерий (характер). Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией не может быть признана иной мерой уголовно-правового характера, в частности, ПММХ по ряду причин:

во-первых, учитывая формальный критерий, перечень видов ПММХ четко определен нормой УК РФ, является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию, в то время как отсрочка отбывания наказания больным наркоманией законодательно отнесена к видам освобождения от наказания (ст. 82¹ гл. 12 УК РФ);

во-вторых, основанием применения «отсрочки» является юридический факт в виде совершения преступления;

в-третьих, отсрочка отбывания наказания может быть реализована только в отношении лица, которое способно осознавать свои действия и руководить ими в процессе совершения преступления;

в-четвертых, лишения и ограничения, испытываемые лицом при применении отсрочки отбывания наказания, реализуются в течение определенного законом срока (не более 5 лет (ч. 1 ст. 82¹ УК РФ) и лишь формально зависят от состояния здоровья лица, совершившего преступление, и иных его индивидуальных особенностей.

наконец, в-пятых, лечение от наркомании, медицинская реабилитация в рамках реализации «отсрочки» являются добровольным желанием лица, совершившего преступление, тогда как меры уголовно-правового воздействия, закрепленные в главе 15 УК РФ, по своей сущности не предусматривают свободу выбора и носят исключительно принудительный характер.

Сложно согласиться и с мнением авторов, считающих, что ПММХ, или, в частности, ПММХ, применяемые в отношении «ограниченно вменяемых» лиц, – это материальное выражение уголовной ответственности:

1) с учетом современной общепризнанной (в том числе на законодательном уровне) теории субъекта уголовной ответственности аксиомичным является утверждение, что уголовная ответственность в отношении лиц, страдающих психическим расстройством, недопустима. Душевнобольной, совершивший общественно опасное деяние, по объективным причинам не в состоянии осознать, понять, за что он претерпевает лишения и правоограничения, поэтому и применение к нему мер уголовной ответственности, в том числе наказания, невозможно ввиду заранее известной их бессмысленности и безрезультативности;

2) выбранное решение свидетельствует об образовании коллизий в уголовном праве. Не понятен принцип деления законодательно закрепленных в разделе VI УК РФ ПММХ на разноплановые, обособленные друг от друга меры уголовно-правового воздействия. Такого рода дробление нарушает социально-правовую природу рассматриваемого института. Так, его содержанием, согласно представленной точке зрения, будут являться отличные друг от друга лишения и ограничения, испытываемые «преступником» в рамках реализации уголовной ответственности и лицом, страдающим психическим расстройством, в процессе применения иной меры уголовно-правового характера;

3) при назначении уголовного наказания непосредственно учитывается характер, степень общественной опасности преступления, личность виновного, смягчающие или отягчающие наказание обстоятельства и влияние назначенного наказания на исправление осужденного, на условия жизни его семьи (ч. 3 ст. 60 УК РФ). При применении же ПММХ подавляющее большинство перечисленных обстоятельств не имеет юридического значения, поскольку ПММХ применяются только в отношении лиц, страдающих психическим расстройством, а вид и условия принудительного лечения зависят исключительно от состояния здоровья – степени психического расстройства лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние.

Представление сущности ПММХ в качестве иной уголовно-правовой меры государственного принуждения к лечению, предусмотренной уголовным законом и назначаемой судом на основании обвинительного приговора или постановления конкретному лицу, является дискуссионным и нуждается в дополнительном обосновании. Действительно, рассматриваемая дефиниция формально соответствует положениям действующего уголовного законодательства, однако не раскрывает, не определяет истинную сущность рассматриваемого института. Вследствие этого, вопрос о социально-правовой природе ПММХ остается открытым.

Оценка сущности ПММХ в качестве мер безопасности является достаточно спорной, на что многократно обращалось внимание в специализированных научных исследованиях.

Во-первых, законодатель намеренно отказался обозначать в УК РФ категорию «меры безопасности», хотя такая дефиниция была известна ранним источникам советского уголовного права. В настоящее же время используется категория меры государственного принуждения. Указанные термины не являются тождественными, так как первые направлены на источник опасности, а вторые подразумевают возникновение ограничений прав и свобод.

Во-вторых, «безопасность» – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз [8]. Исходя из этого, вряд ли недопустимо сводить ее к тем мерам воздействия, которые применяются в отношении лиц, страдающих психическим заболеванием, даже в случае совершения ими деяния, запрещенного уголовным законом. Таким образом, в действительности здесь имеет место подмена термина «иные меры уголовно-правового характера», то есть меры, не являющиеся наказанием, уголовной ответственностью, но применяемые в рамках уголовного закона, словом «безопасность», хотя даже лексическое значение этого слова не соответствует сущности мер, предусмотренных действующим УК РФ.

Исходя из этого, мы присоединяемся к мнению группы ученых, которые считают, что ПММХ являются иными, обособленными от уголовной ответственности, мерами уголовно-правового характера. Как справедливо отмечает Р. И. Михеев, поведение лица, страдающего психическим расстройством, детерминировано не окружающей его

внешней средой и сложившейся в действительности обстановкой во время совершения общественно опасного деяния, а его болезненным субъективным истолкованием [7, с. 45].

Действительно, лицо, страдающее психическим расстройством, утрачивает социально-психологическую способность действовать осмысленно. Данной категории не свойственна свобода выбора «модели» поведения, возможность поступить иначе утрачивается не по их воле, что и влечет за собой исключение ответственности. Более того, такое лицо лишается существенно значимых индивидуальных и общественных связей, что не позволяет согласовать свое поведение с социальными и правовыми требованиями общества. Уголовная же ответственность распространяется исключительно в отношении лиц, совершивших преступление, которые в состоянии дать отчет в содеянном перед государством в лице уполномоченных органов и понести неблагоприятные последствия в результате применения мер государственного принуждения. Лицо, страдающее психическим расстройством, выполнить ряд указанных обязанностей не может.

При назначении ПММХ наряду с уголовным наказанием либо в процессе исполнения (отбывания) наказания социально-правовая природа рассматриваемой меры уголовно-правового воздействия принципиально не меняется. Как отмечают отдельные исследователи, при психическом заболевании, не исключающем вменяемости, связь с внешним миром сохраняется, но с определенными искажениями. Так, рассматриваемая категория лиц по объективным причинам не в состоянии в силу своих особенностей оказать сопротивление в ситуации, в том числе конфликтной; выбрать одобряемую в обществе, приемлемую для социума модель поведения; адаптироваться к внешней среде ввиду наличия препятствий для развития социально полезных черт личности. Как правило, «ограниченно вменяемый» человек склонен к произвольным, непродуманным, противоправным и от него зависимым поступкам [3, с. 243].

Действительно, в этом случае данные меры определяются в обвинительном приговоре суда, сопровождаются отрицательной оценкой со стороны государства преступного деяния и т. д. Однако в отличие от наказания указанные меры не несут в себе его главного, сущностного

признака – элемента кары, воздаяния, и преследуют совершенно иные цели [9].

Полагаем, что в этом случае реализацию ПММХ необходимо рассматривать параллельно, обособленно, самостоятельно от наказания. Достижение целей наказания по истечении назначенного судом срока не свидетельствует об излечении либо улучшении психического состояния лица, совершившего деяние, запрещенное уголовным законом. Равно как реализация целей института ПММХ не отождествляется с целевым предназначением уголовного наказания. Ремиссия психического расстройства лица может представлять собой лишь условие для прекращения применения к нему ПММХ, направления уголовного дела для производства предварительного расследования в общем порядке, возобновления исполнения назначенного судом наказания (ст. 103 УК РФ). Прав А. Д. Кононов, говоря, что применение ПММХ необходимо рассматривать как в период отбывания наказания, так и после его отбытия [6, с. 26].

Справедливой видится и позиция Е. В. Ильюк: назначение ПММХ одновременно с наказанием вызвано не принципом вины, а целями безопасности общества, людей и самого лица, страдающего от психического расстройства. Эти лица, как правило, не в полной мере осознавали общественную опасность своего деяния или не могли руководить своими действиями, либо в полной мере не осознавали, не понимали ни общественной опасности, ни возможности наступления общественно опасных последствий [5, с. 586].

Итак, анализ отечественного уголовного законодательства, специализированной литературы, позволяет сделать вывод о том, что вопросы, касающиеся сущности ПММХ, их целей, задач, социально-правовой природы, места в общей структуре мер уголовно-правового воздействия, действительно обладают повышенной степенью актуальности и важности в современной доктрине отечественного уголовного права.

Как нам кажется, не менее злободневной видится востребованность решения ряда обозначенных вопросов в уголовном законодательстве Монголии. Анализ норм УК Монголии, регламентирующих ПММХ, свидетельствует о:

- отсутствию официальной дефиниции ПММХ, что затрудняет восприятие рассматриваемого института как в теории уголовного права, так и в правоприменительной деятельности;
- противоречивой сущности ПММХ, в связи с чем, их социально-правовая природа воспринимается неоднозначно;
- нарушении правил законодательной техники, а именно правил изложения нормативного материала в разделе, посвященном мерам принуждения (ст. 7.2 УК Монголии) [12, с. 32];
- внутренней рассогласованности института ПММХ (ст. 7.4 УК Монголии) [12, с. 33].

Остановимся на каждом из обозначенных вопросов более детально. Так, в соответствии с уголовным законодательством Монголии преступлением признается виновно совершенное общественно опасное действие или бездействие, предусмотренное Особенной частью УК (ст. 2.1 УК Монголии). Согласно общепризнанным в доктрине уголовного права постулатам лицо, страдающее психическим расстройством, не в состоянии по объективным причинам осознать незаконность своих действий или бездействий, ввиду чего сложно назвать эту деятельность преступной, а совершенное им деяние преступлением.

Целями уголовной ответственности в Монголии являются кара, восстановление прав, нарушенных преступлением, и возмещение ущерба, предупреждение совершения новых преступлений, а также ресоциализация человека, совершившего преступление (ст. 5.1 УК Монголии). Логично предположить, что ПММХ не являются материальным выражением уголовной ответственности, в том числе по причине преследования иных конечных результатов – излечение лица, совершившего общественно опасное деяние, улучшение его психического состояния. Однако в соответствии с ч. 2 ст. 5.1 УК Монголии уголовная ответственность состоит из наказаний и принудительных мер. К последним относятся меры, применяемые как без назначения наказания (условное осуждение), так и наряду с ним (принудительные меры в виде возложения обязанностей и ограничения прав; принудительные меры медицинского характера; принудительные меры в виде конфискации имущества) (ст. 7.2 УК Монголии). В то же время уголовная ответственность применяется к лицу, достигшему ко времени совершения

преступления возраста, с которого наступает уголовная ответственность, и являющемуся вменяемым (ч. 3 ст. 5.1 УК Монголии).

Таким образом, анализ норм нормативно-правового акта, определяющих содержание уголовной ответственности, свидетельствует о противоречивой сущности ПММХ. С одной стороны, это отличная от уголовной ответственности мера государственного принуждения, имеющая собственные цели, задачи, основание применения. С другой – ПММХ, наряду другими мерами уголовно-правового воздействия, находящимися в иной плоскости юридического содержания (условное осуждение, уголовно-правовая обязанность, ограничение прав и конфискация имущества), представляют собой самостоятельную форму реализации уголовной ответственности, назначаемую в карательных, компенсационных и превентивных целях в отношении психически нездорового лица, совершившего преступление.

Думается, рассматриваемый дуализм вызван внутренней рассогласованностью института ПММХ. Так, в соответствии с уголовным законом Монголии, ПММХ назначаются в отношении лица, совершившего деяние, запрещенное уголовным законом, которое:

- во время или после его совершения находилось в состоянии невменяемости;
- страдает алкогольной или наркотической зависимостью.

Полагаем, что в первом случае, ПММХ являются обособленной от уголовной ответственности мерой государственного принуждения. Во-первых, с учетом современной общепризнанной (в том числе на законодательном уровне) теории субъекта уголовной ответственности аксиомичным является утверждение, что уголовная ответственность в отношении лиц, страдающих психическим расстройством, недопустима;

во-вторых, согласно положениям нормативно-правового акта, при устранении невменяемости в ходе принудительного лечения, назначенного судом, ПММХ отменяются и лицо привлекается к уголовной ответственности на общих основаниях (ч. 2, ч. 4 ст. 74 УК Монголии). Данный факт в очередной раз подтверждает самостоятельность, уникальность рассматриваемых мер, так как их реализация происходит параллельно, обособлено от наказания и уголовной ответственности;

в-третьих, при назначении ПММХ в отношении лица с «психическим недугом» наряду с уголовным наказанием, либо в процессе исполнения (отбывания) наказания (ч. 6 ст. 74 УК Монголии) социально-правовая природа рассматриваемой меры уголовно-правового воздействия принципиально не меняется по причинам, рассмотренным нами ранее.

Во-втором же случае, ПММХ, с точки зрения законодателя, являются формой реализации уголовной ответственности. Так, назначаемые в отношении лица, совершившего преступление и страдающего алкогольной, либо наркотической зависимостью, меры медицинского характера, в соответствии с УК Монголии, являются *дополнительным видом наказания (курсив наш – С.К.)* (ч. 2 ст. 6.4 УК Монголии), что свидетельствует об отождествлении наказания и ПММХ.

Вышеизложенное свидетельствует как о нарушении соответствующих правил законодательной техники при формировании нормы, регламентирующей виды принудительных мер, так и о внутренней рассогласованности института ПММХ.

Прежде всего, ПММХ применяются к лицам, которые по объективным причинам не подлежат уголовной ответственности, в чем и выражается их социально-правовое назначение. Допустимость обратного, то есть реализация обозначенных мер в рамках уголовной ответственности, по сути, есть нарушение указанной социально-правовой сущности. В данном случае стирается грань между наказанием и ПММХ. Более того, последние становятся наказанием, которое применяется дополнительно к основному, что с концептуальной точки зрения в корне не верно.

Полагаем, что выходом из сложившейся ситуации является трансформация, реформирование мер, применяемых к лицам, страдающим алкогольной или наркотической зависимостью. В частности, необходимо определить данную меру не в качестве ПММХ, которая может исполняться наряду с наказанием, а как дополнительное (субсидиарное) по отношению к наказанию обязательство в рамках не уголовного, а уголовно-исполнительного права. Таким образом, процедура исполнения назначенного наказания должна включать в себя уголовно-исполнительные меры, которые применяются, в том числе к лицам, обладающими определенными заболеваниями.

Безусловно, предложенная обязанность является принуждением, однако принуждением, которое осуществляется в рамках режима исполнения наказания. В уголовном же праве должна быть четкая систематизация мер уголовно-правового воздействия исходя из их сущности:

– меры уголовной ответственности, применяемые в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления, в том числе страдающего алкогольной или наркотической зависимостью;

– иные меры уголовно-правового характера (меры принуждения), куда, безусловно, включаются ПММХ, назначаемые лицу, не способному по определенным в законодательстве причинам нести уголовную ответственность.

Заключение и выводы

ПММХ по своей сущности являются иными, обособленными от уголовной ответственности, мерами уголовно-правового характера. Данные меры применяются не за совершение преступления, а в связи с его совершением. В ходе производства по уголовному делу названные лица испытывают определенные лишения и правоограничения, но по состоянию здоровья они не способны в полной мере осознавать и воспринимать данные негативные последствия своего поведения. В связи с изложенным можно констатировать в таких случаях факт отсутствия субъективного аспекта уголовной ответственности и, следовательно, самой уголовной ответственности.

Список литературы

1. Васеловская А. В. Принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, по Уголовному кодексу Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2020. С. 12.
2. Договор между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (ред. от 12.09.2002) // СПС Консультантплюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122001/ (дата обращения : 18.09.2021).
3. Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. М.: Политиздат, 1982. – 304 с.

4. Ефремова И. А. Понятие и признаки принудительных мер медицинского характера // Известия Юго-западного государственного университета. Серия: история и право. 2021. № 4. С. 53-62.
5. Илюк Е. В. Принудительные меры медицинского характера как мера безопасности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Международной научно-практической конференции. М., 2020. С. 583–589.
6. Кононов А. Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, и применения к этим лицам принудительных мер медицинского характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. – 31 с.
7. Михеев Р. И. Невменяемый. Социально-правовой очерк. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1992. – 286 с.
8. О безопасности : федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Российская газета. 2010. 29 дек.
9. О практике применения судами принудительных мер медицинского характера: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6 // Российская газета. 2011. 20 апр.
10. Савин А. А. Принудительные меры медицинского характера в системе уголовно-правовых мер воздействия // Вестник Академии следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 1. С. 181–184.
11. Скрипченко Н. Ю. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера / Н. Ю. Скрипченко // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 2. С. 16–21.
12. Уголовный кодекс Монголии / пер. с монг. Батболд Галбадрах, Амарсанаа Вандан-Иш ; науч. ред. перевода и предисл. М. В. Бавсуна, А.А. Нечепуренко. Омск: Омская академия МВД России, 2020. — 144 с.
13. Якушин В. А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия : монография / В. А. Якушин. – Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2018 – 337 с.